

АВГУСТ КОНЧЕН

Сергей
Яковлев

РУССКИЙ ГУЛЛИВЕР

Сергей Яковлев

Август кончен

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27051629

Август кончен:

ISBN 978-5-91627-188-1

Аннотация

Сергей Яковлев дебютировал в 1996 году в журнале «Волга». После долгого перерыва вернулся в большую литературу с подборкой стихов в октябрьском номере журнала «Знамя» 2014 года. Стихи его отличаются внутренним напряжением, лаконизмом, плотностью письма. Горькая ирония и самоирония, которыми пронизаны эти мастерски написанные тексты, говорят о том, что автор делает попытку переосмысления жизни, используя для этого новый инструмент познания, а, может, и утешения.

Содержание

«Август кончен. Под градусы низкие...»	4
Два времени года	6
«Мои отношения с сыном...»	8
«Ты, как нечто простое...»	10
На смену очков	11
Рождество	12
«Кубики злые, другие жестокие средства...»	14
«Облака меня волнуют...»	15
«Почему так горько уху...»	16
«Что-то нервы как-то сдали...»	17
«Если б было все не так...»	18
«Пусто небо над кварталом...»	19
«Едва освоил пару па из ча-ча-ча...»	21
«Оттого был безупречен...»	23
«Распорядились бы иначе сын с отцом...»	25
«Потому что где-то в мозге, или как его...»	26
«Из глубины всей этой мелочи поденной...»	27
«Свалилось столько с неба, что келейно...»	28
«На исходе ноября ли...»	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сергей Яковлев

Август кончен

«Август кончен. Под градусы низкие...»

Август кончен. Под градусы низкие
Всеми тоннами, всеми каратами
Звезды блещут, дрожа, как римские
Последние императоры.

Им бы вовремя саморазрушиться,
Как красавице увядающей,
Но она только гуще душитя,
Хоть казалось бы, ну куда еще.

Сколько ткани и разных красителей
От кармина до темной вишни,
Сколько слов и трудов спасительных,
Что потом окажутся лишними.

Сохнут листья, страницами ветхими
Шелестеть будут варвары с метлами
Под каштаном с пустыми ветками,

Под другими деревьями мертвыми.

Два времени года

1

По тому, как проникают в землю листья,
Отлетая от каштанов и акаций,
Даже начинающий баллистик
Вычисляет: некуда метаться.

По словам, что застревают в клетке мозга
И бормочут в этом сером захолустье,
Даже слабослышащий акустик
Понимает, что метаться поздно.
Постоим туда-сюда – за наблюденьем
Незаметно пролетают месяц, день ли.
Так что видит только самый зоркий оптик,
Как сгибаются колени, а не локти.

2

Сегодня мы сбежим —
Легко, как молоко —

Не на металл плиты,
Не на ее конфорку,
На сей раз далеко,
Глухие рубежи
Переходя на раз,
Как дым и прочий газ
В распахнутую фортку
Выходят из квартир.
Теперь и нам идти.
Глядишь, и нету нас.

3

Сколько раз уже деревья те же
Облетели и опять листвой покрыты.
Может, только это нас и держит
Здесь. Старуха у разбитого корыта
Знай полощет имена, стирает даты,
Только изредка движеньем угловатым
Проведет по лбу запястьем или пястьем,
То ли пот стирая, то ль от счастья,
Что не помнит ничего, что всё забыто,
Кроме мелких дел для поддержанья быта.

«Мои отношения с сыном...»

Мои отношения с сыном
Разнообразием не изобилуют:
Сжигая воздух с бензином,
Еду к нему на могилу.

Раз в неделю, а чаще реже,
По недавно уложенной плитке
Мимо черных камней и бежевых
Прохожу к железной калитке.

Поднимаюсь на шесть ступеней
Или пять, не могу запомнить.
Кровь заходит в сердце по вене —
Надо чем-то его заполнить.

Здесь налево и метров тридцать,
Или больше, цветы из пакета
Достаю. Никак накуриться
Не выходит с одной сигареты.

Дым летит почти вертикально,
А куда ему на хуй деться.
Кровь в артерию вытекает,
Оставляя пустое сердце.

«Ты, как нечто простое...»

Ты, как нечто простое,
Как число или что-то,
Чем пространство пустое
Заполняет пустоты.
Вдоль дороги растенья —
Частый лес да подлесок,
Если это не стены,
То хотя бы завеса.
Там невидимо глазу
За условной лещиной
Неспеша, раз за разом,
Как с женою мужчина,
Небо сходится с почвой
Серединой и краем,
Каждой кочкой и точкой
Пустоту замыкая.

На смену очков

Все уложено в уравнение,
У всего есть какой-то резон:
Как садится с годами зрение,
С той же скоростью горизонт
Придвигается. Пыль закатная,
Мелочь летная, стрекоза,
Как сквозь оптику многократную —
Раз, и выросли на глазах.
Не желают держать дистанцию,
Подступают, идут гурьбой
И теснятся – так в клубе с танцами
Пары жмутся одна к другой.

Рождество

В эту ночь особенно нежно
Щелкает зажигалка —
Не соловей, конечно,
Но всё-таки и не галка.
Вроде, кусок пластмассы:
Ни крыльев тебе, ни ножек,
Нет ни перьев, ни мяса,
А вроде как искра божья.
Даже как будто светоч
Желтый, как в том окошке,
Где мама качает деточку,
Чтобы не плакала крошка.
Качает и видит, как станет
Ребенок большой и сильный,
А она уже будет старенькой
И, наверно, не очень красивой.
Но он сделает все, что надо:
Купит хлеб, оплатит больницу,
И поэтому эта мама
Старости не боится.

Только будет все по-другому:
Это ей позвонят из Градской,
Скажут, он не дойдет до дома,

Никогда не сможет добраться.
И она побежит, словно в гору.
Полетит неуклюже, как галка,
Чтобы сесть у беспомощной скорой,
Не мигая смотреть на мигалку.
Но пока даже время мешкает —
Будто ночь эту было бы жалко
Оборвать, – в темноте кромешной
Щелкает зажигалка.

«Кубики злые, другие жестокие средства...»

Кубики злые, другие жестокие средства,
Песни веселые, самые грустные песни.
Что я ни пробовал, лишь бы продлить себе детство.
Где я ни жил, чтоб в итоге вернуться на Пресню.

Мог бы стоять, оказался бы там же тогда же.
Мог не кружить по Москве, словно козья ножка.
Меньше всего во время большой распродажи
Платишь, когда наблюдаешь за ней из окошка.

Сколько вина утекло и преломлено хлеба:
Дети приходят, садятся поближе к пище —
Тесно, как в строчке слова – справа налево.
Или слева направо – это уж кто как пишет.

«Облака меня волнуют...»

Облака меня волнуют.
Есть они, иль небо пусто
Так, что в нем лишь птицы с хрустом
Разрывают воздух – ну их:
Лебедь белый, ворон черный —
Одинаково никчемны...
То ли дело кучевые
Или перистых отряд:
Как народы кочевые,
Миг на месте постоят
И уходят в тень веков.
Вот в чем сила облаков.

«Почему так горько уху...»

Почему так горько уху,
Отчего несладко глазу,
То ли слышен запах лука
С пресненской овощебазы,
То ли тянет мочевиной
Из вольеров зоосада,
Тянет явно, очевидно.
Поменять бы рамы надо.

Пахнет длинными ножами,
Окисью чугунных луков,
Патрулями, сторожами,
Давленной морковью с клюквой,
Табакком, бензином, жёлчью,
Человеком, крупным зверем,
Сукой течной, пастью волчьей.
Поменять бы надо двери.

«Что-то нервы как-то сдали...»

Что-то нервы как-то сдали:
Вылезает раздраженье,
Словно палец из сандалий
От неловкого движенья.

Словно матерное слово
Из поспешной детской речи,
Словно физики основы —
Из угла плеча с предплечьем.
То ли небо стало ниже,
Или что другое давит:
То, что слышу, то, что вижу,
То, что кровь немолодая.

То погоды изобилье,
То природы увяданье,
То не так поговорили:
Чисто здрасьте-до свиданья.
Да и так понятно, вроде,
И легко, без напряженья
Руки машут, ноги ходят
Просто в силу раздраженья.

«Если б было все не так...»

Если б было все не так,
Как-то по-другому.
Дождь идет тик-так, тик-так,
Снег идет тик-так, тик-так,
Солнце по небу идет,
Небу голубому.
Следом облака идут
Ряд за рядом строго.
И в каком-то там ряду
Мальчик будто бы идет
С облаками в ногу.
Ветер сносит облака:
Час-другой – и нет их.
На стене – тик-так, тик-так
Отбивают сердцу такт.
Вот и ночь уже идет
В звездах и планетах.

«Пусто небо над кварталом...»

Пусто небо над кварталом,
Только спутник запоздалый,
Зависая на орбите,
Смотрит на мою обитель.
Оптикой скользнет устало
По бетону, по металлу,
По реке, по обводному
До моста. И всё по-новой.

Вот уже дома большие
Раздвигают стены шире
И растягивают рамы,
Как хирург – края у раны.
Там, сквозь щели в занавесках,
И настойка, и нарезка,
И обрывки разговора,
Там кольшутся, как штора.
Там три комнаты и кухня,
Где в простенке время пухнет,
Там ногами и руками
Бьется жизнь за плотной тканью.
Брызжет свет на мостовые,
На машины легковые,
На стальной помойный ящик,

Поперек двора стоящий.

Глянешь вверх – не зацепиться:

Кто-нибудь, хотя бы птица.

И душа совсем немая

Кровью сердце обнимает.

«Едва освоил пару па из ча-ча-ча...»

Едва освоил пару па из ча-ча-ча,
А тут глядишь, и глупо звать врача:
Уже несет куда-то вдаль от близких,
И ни рукой им не помашешь, ни пипиской.

Вот я над Пресней пролечу, над зоосадам,
Где утка крякает, подрагивая задом,
И шимпанзе с глазами Карла Цейса
Сквозь прутья смотрит на бродячих полицейских.

Вот и больничный двор, и каменный Филатов,
Там вдоль палат в салатových халатах
Скользят хирургов ранние отряды,
И дети ловят их стальные взгляды.

Вот изгибается Садовая Большая,
Вот сад Аквариум, где тополей шуршанье,
И тени прошлого плывут сквозь воздух,
И вроде вечер, но еще не поздно.

И вроде тот же я совсем другого роста
Качу на велике в отглаженной матроске,
Звенит звонок, посверкивают спицы,

И маме тридцать, и отцу едва за тридцать.

Они стоят, из-под ладоней в небо смотрят,
Там в облаках лишь птицы по две, по три
Танцуют. Солнце, превращаясь в купол,
Садится где-то за театром кукол.

«Оттого был безупречен...»

Оттого был безупречен
Каждый день, что каждый вечер
По часам и по минутам
Был расчерчен и размечен
Так, чтоб я вдоль линий гнутых
С точностью нечеловечьей
Всем своим составом длинным,
Замедляясь, к полкам винным
Подходил по расписанию
И ощупывал их взглядом,
Словно некую лазанью —
Слой за слоем, яд за ядом,
И следил, как в перспективу
Дижестив с аперитивом
Утекают. Полок глянец
Громоздился под стропила,
Я был стоек, как спартанец,
В этих узких фермопилах.
Где-то там за стеллажами,
Словно пёс за гаражами,
Загребая воздух пастью,
Время мерно семеняло:
Падал снег, менялись власти,
Кассы звякали уныло.

Где-то там о кафель пола
С медным звуком пол-обола
Ударялись. Я при этом
Был окружностью и центром
И взлетал, касаясь света
Белых ламп люминесцентных.

«Распорядились бы иначе сын с отцом...»

Распорядились бы иначе сын с отцом,
Писал бы тексты для каких-нибудь канцон
О том, как вечно донна и мужчина
Друг друга ищут, проходя вичино.
Куда спешить, когда кругом адзурро —
Он не дурак, да и она не дура.

А здесь, где я, в ходу другой фасон.
Попробуй выйти, не поддев кальсон.
Остынет кровь на холоде собачьем —
Какие к черту бачи и аббраччи.
Ни до чего, лишь сердце молча злится,
Что утрамбуют в мерзлую землю.

«Потому что где-то в мозге, или как его...»

Потому что где-то в мозге, или как его,
Я обрывки да обноски накапливал,
Всё какие-то слова-выражения,
Что лежат теперь во мне без движения.

Вот глаголы полегли, вот наречия —
Часть за частью, и теперь больше нечем мне
Говорить. Осталась горстка числительных
И мычанье по вопросам чувствительным.

Вылезают предложения кондовые,
Словно в комиксе, где фразы гондонами
Надуваются. Бац-бац! – всё полопалось,
Развалилось, разлетелось на сто полос.

Не сшивается железными скрепками,
Теремками, колобками да репками.
Всё поломано, посажено, съедено.
Будто выскоблено ложкой обеденной.

«Из глубины всей этой мелочи поденной...»

Из глубины всей этой мелочи поденной,
Всего того, что в сумме я и есть,
Из темной ткани мышечной сведенной,
И рта, который дан мне пить и есть.

Из-под коры, где будто тяжкий вентилятор,
Один и тот же крутится мотив,
Из-за окна, в котором мой проклятый
Холодный город, кажется, затих.

Отсюда я тяну свои пустые строки,
Невидный глазу смертного петит:
Поддай мне, боже, век мой неширокий
Легко, как улицу пустую, перейти.

«Свалилось столько с неба, что келейно...»

Свалилось столько с неба, что келейно
Придется жить. В окно посмотришь утром:
Дорожка к дому желобом бобслейным
Вчера вела – и не было как будто.

Уже и март кончается, и с ночью
Сравнялся день, казалось бы, по плану.
И вроде есть какой-то график точный
Для перемен, а все равно обманут.

Здесь на какие сроки ни нацелься,
Начнется всё в совсем другие даты.
Короткий столбик ртути держит Цельсий,
Как не по росту черенок лопаты.

Бело и ровно всё с утра пораньше,
Лишь на снегу бесцельно и красиво
Лежит не снятый в Новый год оранжев,
Упавший с елки мячик апельсина.

«На исходе ноября ли...»

На исходе ноября ли
Иль в начале декабря —
В общем, снег еще не валит,
Но вот-вот, как говорят,
Шел по улице мужчина,
По сущёвской мостовой.
Нес свою кривую спину,
В такт кивая головой:
«Как же это, как же, как же, . —
Повторял сто раз подряд —
Скоро снег повсюду ляжет,
Заметет, как говорят.
Скоро твердый свод небесный
Станет пухом и пером,
И позёмка мелким бесом
Поползет со всех сторон».

Ветер провода мотает,
Сносит свет от фонаря,
С губ срывает бормотанье,
Прямо рвет, как говорят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.